

**Судебный контроль в российском уголовном процессе: новые подходы к
знакомому институту**

Научный руководитель – Васильев Олег Леонидович

Багаудинов Мурадин Багаудинович

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Юридический факультет, Кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Москва, Россия

E-mail: muradin.bagaudinov@mail.ru

«Суд должен быть силюю; а для этого необходимо, чтобы в руках судебной власти сосредоточивались все мероприятия, обеспечивающие возможность судебного разбирательства и действительное осуществление судебных решений» [1]. Эти слова, написанные выдающимся русским процессуалистом И.Я. Фойницким более сотни лет назад, отражают главенствующую роль судебной власти в уголовном процессе. По мнению Л.В. Головки, «в процессуальной доктрине данный феномен обосновывается теорией *полноты судебной власти* (курсив мой – М.Б.), которая должна наделяться необходимыми полномочиями по контролю над всем ходом уголовного процесса» [2]. Даже несмотря на определенное теоретическое забвение концепции полноты судебной власти в отечественной уголовно-процессуальной науке, идея о том, что суд должен быть обеспечен таким набором процессуальных средств, который позволял бы ему наиболее полно контролировать ход уголовного судопроизводства на всем его протяжении, безусловно, сохраняет свою теоретическую и практическую значимость. В этом, по меткому выражению И.Я. Фойницкого, приведенному выше, и заключается сила судебной власти.

В ходе предварительного производства основным институтом, позволяющим судебной власти контролировать ход уголовного судопроизводства является институт судебного контроля, в связи с чем интересно рассмотреть вопрос о том, насколько в современном виде институт судебного контроля в ходе досудебного производства позволяет достичь целей, стоящих перед судебной властью. При первом приближении кажется, что идея судебного контроля, безусловно, способствует полноте и самостоятельности судебной власти, позволяя ей контролировать ход уголовного судопроизводства на его досудебных стадиях. Вместе с тем, более пристальный взгляд на конкретные полномочия судебной власти в рамках судебного контроля, на наш взгляд, позволяет усомниться в указанном утверждении.

Весьма примечательно, что сетования на неэффективность судебного контроля в отдельных случаях можно обнаружить не только в уголовно-процессуальной доктрине [3, 4, 5], но и в позициях Пленума Верховного Суда РФ. Так, в одном из постановлений Пленума Верховный Суд отмечает, что «практика рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ свидетельствует о том, что суды *недостаточно активно осуществляют контроль* (курсив мой – М.Б.) за законностью возбуждения и расследования уголовных дел в отношении предпринимателей» [6]. Представляется, что, если высший суд страны делает такой вывод относительно судебного контроля в области, находящейся чуть ли не в центре внимания уголовно-процессуальной политики, дела в отношении иных видов преступлений обстоят не лучше. Аналогично, негативные оценки преобладают в уголовно-процессуальной доктрине применительно к оценке деятельности судей при избрании меры

пресечения и санкционировании определенных следственных действий, являющейся еще одним проявлением судебного контроля.

Похожие проблемы на практике наблюдаются и в ведущих зарубежных уголовно-процессуальных правовых системах, причем как в англосаксонских, так и в континентальных. Например, У. Бернам, анализируя практику выдачи ордеров для производства обысков в США отмечает, что «нередко судьи изучают заявления о выдаче ордера прямо на председательском месте в зале суда, когда проходит разбирательство по делу или какое-нибудь еще слушание. Таким образом, возникает вопрос: обеспечивает ли порядок получения ордера широкую охрану процессуальных прав личности?» [7]. Отвечая на этот вопрос, автор отмечает, что «одно только условие, что *ходатайство* о выдаче ордера должно быть подано, уже предоставляет такую охрану» [7]. При таком подходе судебный контроль в ходе досудебного производства становится лишь яркой вывеской, которая не способствует ни более эффективной защите прав, ни более полной реализации полномочий судебной власти. В целом проблемы, присущие институту судебного контроля в российском уголовном процессе, являются не «национальной спецификой», а имеют, скорее, универсальный характер, в связи с чем единственным объяснением существования такого широкого судебного контроля в ходе досудебного производства остается наведение уже упомянутого «судебного макияжа» на все больше расширяющуюся полицейскую деятельность. Вместе с тем, судебный контроль не позволяет обеспечить такое положение судебной власти, которое позволяло бы ей наиболее полно контролировать ход досудебного производства, что наталкивает на поиск новых процессуальных механизмов, обеспечивающих действительную силу судебной власти в предварительном производстве.

Итак, если отбросить судебный контроль, какие остаются варианты для обеспечения действительного контроля со стороны судебной власти за расследованием уголовных дел? Беглый взгляд на европейские правовые системы показывает, что прокурорское руководство расследованием обеспечивает эффективный контроль судебной власти над деятельностью полиции. В отечественном уголовном судопроизводстве концепция магистратуры не нашла признания, хотя на определенных этапах истории прокуроры в России состояли при судах так же, как, например, их современные германские или французские коллеги. Сейчас в России и многих постсоветских странах прокуратура организационно отделена от судебной власти. Однако это вовсе не означает, что прокурор в Российской Федерации менее независим, чем его французский коллега, входящий в состав магистратуры. Не вдаваясь в детали дискуссии о роли прокурора в уголовном процессе и объеме его полномочий заметим, что изложенное позволяет, если не признать прокуратуру частью судебной власти, то во всяком случае говорить о том, что отечественная прокуратура имеет высокий потенциал для того, чтобы рассматриваться в качестве органа, способного принять на себя часть функций по контролю за деятельностью органов расследования, в настоящее время возложенных на судебную власть.

Вместе с тем, стадийное построение российского уголовного процесса позволяет предусмотреть этап, на котором непосредственно суд будет контролировать итоги расследования. Как справедливо отмечает С.В. Романов, «несомненна необходимость особой процедуры, в которой бы подводились итоги подготовительной уголовно-процессуальной деятельности и организовывалось проведение судебного разбирательства. В рамках такой процедуры решаются две группы вопросов: собраны ли достаточные доказательства для судебного рассмотрения обвинения и нет ли для этого формальных препятствий, а также какие подготовительные меры должны предшествовать открытию такого заседания» [8].

Традиционно в отечественном уголовном процессе указанные вопросы решались в стадии предания суду, «наследницей» которой является нынешняя стадия подготовки к судебному заседанию.

Не призывая к отмене возможности рассмотрения судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ, судебного санкционирования следственных действий или мер пресечения, отметим, что гораздо более эффективным способом обеспечения контроля судебной власти за расследованием уголовных дел являются 1) широкие полномочия прокурора, позволяющие ему осуществлять надзор расследованием и 2) широкие полномочия суда по оценке существа обвинения в стадии подготовки к судебному разбирательству. Для реализации указанных идей *de lege lata* существуют очевидные препятствия в виде, например, отнесения прокурора к стороне обвинения (пункт 47 статьи 5 УПК РФ) или правовых позиций Конституционного Суда РФ, запрещающего возвращение уголовного дела в связи с неполнотой расследования. Вместе с тем, несмотря на влияние англо-американской идеологии в результате попытки имплементации англо-американских подходов к модели уголовного процесса при написании действующего уголовно-процессуального закона, российское уголовное судопроизводство все же остается в русле континентальной модели уголовного процесса, в связи с чем представляется правильным сосредоточить усилия законодателя и уголовно-процессуальной доктрины по совершенствованию судебного контроля именно по указанным двум направлениям, чтобы суд в предварительном производстве стал действительной силой.

Источники и литература

- 1) Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Изд. 3-е, пер. и доп. Т. II. Спб, 1910.
- 2) Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство. М.: Городец, 2022.
- 3) Муратова Н.Г. Проблемы восполнения дефектов судебного контроля в уголовном судопроизводстве // Вестник экономики, права и социологии. 2009. № 2. С. 67-75
- 4) Марковичева Е.В., Стольников П.М. Защита прав участников процесса при осуществлении судебного контроля за процессуальным усмотрением следователя // Вестник Томского государственного университета. Серия: Право. 2020. № 35. С. 103-111
- 5) Гизатуллин И.А. Концептуальные проблемы оценки качества уголовного правосудия // Российская юстиция. 2024. № 4.
- 6) Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 03.10.2017 N 33 "О ходе выполнения судами Российской Федерации постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 года N 48 "О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности" // СПС «КонсультантПлюс».
- 7) Бернам У. Правовая система США. Вып. 3. М., 2006.
- 8) Романов С.В. Понятие, система и взаимодействие процессуальных функций в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М. 2007